
П. Г. РОГОЗНЫЙ

**«ПРЕД НАШИМИ ВЗОРАМИ
СОВЕРШИЛСЯ СУД НАД ИСТОРИЕЙ»**

(Проповедь профессора А. А. Дмитриевского 5 марта 1917 г.)

5 марта 1917 г. новому обер-прокурору Святейшего Синода В. Н. Львову пришло анонимное письмо. Автор послания, именовавший себя «рядовым санитаром» Красного Креста, просил «обратить внимание на новую надвигающуюся опасность» — проповеди, звучащие с амвона церкви.¹

По словам санитара, его жена с годовалым ребенком «сегодня» была в церкви Скорой Послушницы. Там пред причастием «миссионер, не знаю кто, говорил чрезвычайно обширную „черную” проповедь, в тему низложения правительства. Смысл был тот, что люди сейчас до того забылись, что, говоря словами Спасителя, „не знают что творят”». По словам анонима, проповедник перечислял заслуги павшей династии, говорил так страстно, «что в его голосе слышались слезы». В заключение своего письма санитар просил обер-прокурора не дать погибнуть «свободе нашей из-за прислужников старой власти <...> которые оскверняют свободу, и откуда с амвона Святого Храма?».

На следующий день обер-прокурор Синода направил «срочное» письмо временно управляющему Петроградской епархией епископу Вениамину (Казанскому). В нем В. Н. Львов сообщал о проповеди, в которой «восхваляются заслуги и деяния прежнего правительства», и просил расследовать обстоятельства, изложенные в письме рядового санитара.

Данная задача епископом была возложена на протоиерея Николая Удальцова, настоятеля Христорождественской церкви на Песках. Некоторое время спустя протоиерей рапортовал, что он со всей «скоростью, которая возможна <...> приходскому священнику», допросил настоятеля храма Скорой Послушницы и свидетелей, присутствовавших при произнесении данной проповеди. При этом выяснилось, что проповедь

¹ РГИА, ф. 797, оп. 86, от. 1, ст. 1, д. 48, л. 304.

произносил не священник, а профессор Киевской Духовной академии Алексей Афанасьевич Дмитриевский,² являвшийся старостой храма и ученым секретарем Палестинского общества, в ведении которого и находился этот храм.³ По словам протоиерея, его проповедь была произнесена в форме «живой импровизации».

В рапорте Удальцова содержалось и изложение причин, по которым данная проповедь «вызвала большое волнение. Так, профессор ничего не сказал в пользу свершившегося народной волей государственного переворота, изобразив, совершенно не соображаясь с требованиями момента, светлые стороны династии <...> Касаясь же народной расправы с городовыми <...> проповедник весьма некстати извинил их службой по долгу присяги <...> Говоря же о новой власти <...> сказал что власть должна быть от Бога, но при этом недостаточно ясно указал авторитет власти, уже признанной народом <...> и совершенно неуместно с церковной кафедры высказал некоторые сомнения в достижении Временным правительством порядка, при допущении (будто бы) им двоевластия в виде Совета рабочих и солдатских депутатов». После службы, собиравшийся Удальцов, около церкви собралась большая толпа, требовавшая ареста проповедника, и с этой целью послан в храм милиционер. «Однако более уравновешенным лицам удалось успокоить толпу, попросив их разойтись, так что к 2 часам дня волнение улеглось».⁴

Попытался протоиерей снять показания и с самого Дмитриевского, однако «неоднократные и настойчивые предложения учинить... запись деланных показаний он решительно отклонил», представив письменное объяснение. В своей записке Дмитриевский сообщал, что он принимает самое живое участие в жизни состоящего в ведении Палестинского общества Николо-Александровского храма, где состоит старостой и произносит проповеди уже в течение 5 лет. Объясняя причины произнесения им проповеди 5 марта, профессор писал, что он «был захвачен неожиданно нахлынувшей волной народного движения и потрясен до глубины души ужасными картинами слепого народного гнева...». По словам Дмитриевского, нашлись и «не вполне довольные моим словом... причем протестанты были все в солдатских серых шинелях», постоянные же его «слушатели высказывали лишь одно сочувствие». Непосредственно после произнесения проповедь была записана самим автором, и машинописный, заверенный подписью экземпляр был предоставлен протоиерею Удальцову.⁵ (Дмитриевский при этом сказал, что

² А. А. Дмитриевский (1856—1929) являлся крупным ученым, историком-византинистом, членом-корреспондентом Петербургской АН с 1903 г. См.: *Михаил Аррэнц, о. А. А. Дмитриевский: из рукописного наследия // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995. С. 120—133.*

³ РГИА, ф. 797, оп. 86, от. 1, ст. 1, д. 48, л. 308. Николо-Александровский храм располагался на углу Калашниковского проспекта и 2-й Рождественской улицы. В народе именовался церковью «Скорой Послушницы», по наиболее чтимой иконе. В 1932 г. храм взорван.

⁴ РГИА, ф. 797, оп. 86, от. 1, ст. 1, д. 48, л. 309.

⁵ Там же, л. 311.

обладает отличной памятью, и проповедь была им записана фактически дословно.)

Однако протоиерей не ограничился объяснениями профессора, решив снять показания и с настоятеля храма и прихожан, находившихся в то время в церкви. Настоятель иеромонах Неофит, судя по его ответам, вполне сочувствовал мыслям, высказанным в проповеди Дмитриевского. По его словам, после окончания службы он был вызван в храм для объяснения по поводу проповеди. Объяснять ему пришлось перед представителями «общественности»: милиционером-студентом, неким вольноопределяющимся и солдатом Павловского полка. «Получив от меня должные разъяснения, три уполномоченных лица явились успокаивать возбужденных солдат, уже потребовавших автомобиль для ареста проповедника»,⁶ — в заключение сообщал Неофит.

Другие свидетели рассказали и некоторые подробности произнесения самой проповеди. Так, например, присутствовавшая в то время в храме Серафима Варламова, 19 лет, рассказывала, что слушала проповедь с начала и до конца, произносивший ее был одет в стихарь, «говорил довольно возбужденно, но не по тетрадке, а импровизированно». По ее словам, проповедник призвал подчиняться правительству, но говорил, что сомневается в достижении порядка при действии крайних революционеров и «что в такое военное время слишком большие свободы солдатам по отношению к начальству». Запомнился ей и эпизод, когда проповедник говорил о надругательстве «над изображением Георгия Победоносца и над крестом, находящимся на государственном гербе и на коронах». Этот эпизод вспомнили еще несколько слушателей.

Так, солдат лейб-гвардии Павловского полка показал, что, «касаясь поправки народом Государственного герба, проповедник говорил о поправлении Георгия Победоносца, а не упомянул о другом значении Государственного герба, как эмблемы бывшей царской династии». Впрочем, не все из допрошенных внятно помнили содержание проповеди. Кто-то отговорился тем, что слушал ее «не вполне внимательно», кто-то вспомнил, что на улице после выхода из храма собралась большая толпа. Однако протоиерей Удальцов проявил завидную дотошность следователя, сличив представленный Дмитриевским экземпляр проповеди с данными ему устными показаниями, и обнаружил, что в текст «не внесены многие подробности, важные для характеристики созданного проповедью настроения».⁷

Пришлось Удальцову второй раз посетить «заслуженного профессора». Действительно, показал Дмитриевский, «при перепечатке на машинке оказались опущены слова», которые касались расправы над полицейскими чинами, исполнявшими «слово присяги». На этот раз профессор более подробно осветил обстановку, сложившуюся в храме после произнесения проповеди. По его словам, сразу после произнесения слова, «когда я подошел к свечному ящику, передо мною вырос во-

⁶ РГИА, ф. 796, оп. 86, от. 1, ст. 2, д. 48, л. 309.

⁷ Там же, л. 310.

енный, задав мне вопрос: Вы ли произносили проповедь? Я ответил, я произнес. Вы знаете, какому правительству вы служите? Отлично знаю и против нового правительства не возражаю. На это военный мне заметил: пожалуйста, больше такие проповеди не произносите». После этого военный удалился из храма. «Остальное время, — сообщал Дмитриевский, — я посвятил исполнению своих обязанностей церковного старосты и оставался в храме». Далее один из служителей предупредил профессора: «Вас собираются арестовать, скройтесь. Я ответил, скрываться я не желаю и не могу, ибо всегда меня могут отыскать. За собой никакой вины не признаю, так как говорил то, что считаю необходимым для данного времени». Потом «появились в церкви какие-то военные люди, говорили с моими прихожанами, входили в алтарь, а около двух часов удалились из храма».⁸ По словам профессора, «успокоению умов содействовали» и «объяснения» настоятеля храма иеромонаха Неофита. На данном показании расследование факта произнесения «контрреволюционной» проповеди завершилось.

Только 29 мая уже избранный петроградским архиереем архиепископ Вениамин направил отчет о расследовании данного случая обер-прокурору Синода. «Епархиальное начальство, — сообщал преосвященный, — рассмотрело обстоятельства данного дела и признало желательным проповеди с церковной кафедры <...> лицам светского звания, получившим высшее богословское образование. Постановило в предупреждении на будущее время жалоб, подобных настоящей, просить профессора Алексея Дмитриевского, чтобы он в своих проповедях с церковной кафедры не касался вопросов политических».⁹

В ответном послании обер-прокурор спешил предупредить столичный архиерея, что при повторении такого рода проповедей «вся ответственность за таковые пред гражданской властью всецело должна быть принята епархиальным же начальством».¹⁰

Следует отметить, что произнесение Дмитриевским 5 марта проповеди такой направленности является фактом почти исключительным. Настроения в среде высшего и особенно низшего духовенства были довольно радикальны и даже революционны, и с амвонов храмов и со страниц церковных изданий звучали совсем другие «песни» — о «проклятом самодержавии» и о «взошедшей заре свободы».¹¹ (Конечно, впоследствии многие, буквально благословлявшие революцию, уже через несколько месяцев будут слать ей проклятия.)

Показательна также резко отрицательная реакция Дмитриевского по поводу уничтожения и осквернения символов старой государственности. Данный процесс принял сразу после революции характер массового действия, что позволило современному исследователю говорить даже

⁸ Там же, л. 324.

⁹ Там же, л. 307—307 об.

¹⁰ Там же, л. 303.

¹¹ О настроениях высшего и низшего духовенства после Февраля см.: *Рогозный П. Г.* «Церковная революция» и выборы архиереев в 1917 году // Исторические записки. М., 2004. Т. 7 (125). С. 275—322.

о своеобразной «символической революции».¹² Обращает на себя внимание также довольно реалистичный анализ проповедником политической обстановки после свершившегося переворота. Революция воспринималась большинством населения как Пасха Христова и начало «светлого будущего». Причем это были отнюдь не обывательские настроения. Дмитриевский же, будучи человеком консервативных взглядов, не лишенным к тому же личных связей с членами царствовавшей фамилии,¹³ явно не испытывал подобной эйфории, провидческой оказалась и его мысль об опасности установившегося двоевластия.

Только счастливым стечением обстоятельств можно объяснить то, что профессор не был арестован сразу по произнесении проповеди. Правда, избежав ареста, впоследствии ученый-историк мало чем рисковал, времена были еще не те. (Алексею Александровичу еще предстояло пережить и аресты и тюрьмы уже в Советской России.)¹⁴

Можно отметить, что епархиальное начальство явно затягивало следствие по данному случаю, несмотря на рвение следователя-протоиерея. В результате фактически оправдательный вердикт был вынесен в конце мая, уже в иной общественно-политической атмосфере.

¹² Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции. СПб., 2001. С. 80.

¹³ См, например: Лобовикова К. И. А. А. Дмитриевский и великая княгиня Елизавета Федоровна (несколько штрихов к биографии ученого) // Мир русской византистики / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 2004. С. 241—255.

¹⁴ Интересно отметить, что в 1922 г. А. А. Дмитриевский был арестован по делу об изъятии церковных ценностей. Ученого обвиняли не только в контрреволюционной агитации, но и в противодействии изъятию путем «дачи заключений об археологической ценности церковных вещей». См.: Перчёнок Ф. Ф. К истории Академии наук: Снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // IN MEMORIAM: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 160.

Приложение

«Слово в неделю крестопоклонную»¹
<Проповедь профессора А. А. Дмитриевского>
Отче, отпусти им, не введут бо, что творят

Мы, возлюбленные братья и сестры, пережили ужасную, можно сказать, кошмарную неделю, и нам следует возблагодарить Бога, что, по особой Его милости к нам, грешным, эта безотрадная тяжелая неделя явилась предтечей настоящей великой крестопоклонной недели, когда каждому истинному сыну Православной церкви, с смущенной душой и сокрушенным сердцем, представляется счастливая возможность под сенью благословенного древа Животворного Креста Господня обрести себе желанное успокоение и отраду.

¹ «Крестопоклонная неделя» — третье воскресенье Великого поста.

Пред нашими взорами совершился суд над историей и исторически-ми эмблемами возлюбленного нашего отечества, подобный тому, который некогда претерпел Иисус Христос со стороны Своего же народа, взывавшего к Пилату «мы закон имам и по закону должен есть умереть». Несмотря на великие чудеса и знамения, соделанные Им для Его слепцов, прокаженных и мертвецов, на с лишком трехлетние беспре-рывные труды благовествования о наступлении Царства Божия, сопро-вождаемые чудесным насыщением алчущих, укрощением бури и т. п., Ему пришлось со стороны этого народа претерпеть заушения, оплевыва-ния, биение по ланитам с издевательством. «Прорцы, кто есть ударей Тя», терновый венец, ложную багряницу и, наконец, позорную мучи-тельную смерть на кресте, с которого по бесконечной Своей благости и безграничной любви к роду человеческому, среди ужасных страданий Он, однако, произнес к Отцу Небесному молитву всепрощения «Отче, отпусти им, не велят бо, что творят».

Невыносимо тяжелое зрелище представлял на наших глазах этот суд, когда наша родная история предавалась оплевыванию и поруга-нию, когда топталась в грязь эмблемы и символы нашей народной гор-дости, наших наследственных исторических прав, полученных нами, как единственная могущественная православная держава, хранительница и заступница святой веры православной, усвоившая нашему возлюб-ленному отечеству почетное имя «Святой Православной Руси».

В эти скорбные дни как бы исчезли воспоминания о лучших страни-цах нашей истории. Забыто, что Михаил Федорович получил держав-ную власть из рук народа русского, наших предков, и воспринял ее при обстоятельствах крайне тяжелых для нашего отечества, потребовалась полнота власти для водворения порядка, распатанного предыдущей тя-желой разрухой. И благодарение Богу, желание избранных народа — земского собора осуществилось: желаемый мир воцарился и открылись возможности нашего отечества выйти на путь первоклассной европей-ской державы.

Преданы забвению неустанные труды, принятые на себя ради блага и счастья нашей родины патриархом Филаретом, запечатленные долго-летним пленом в коварной Польше, посягнувшей на чистоту нашей веры православной и целостность нашего государства.

Забытыми оказались имена: Петра Великого, создавшего в нашем отечестве флот, войско, водворившего науку и введшего Россию в семь-ю европейских государств; Александра I, отразившего нашествие грозного врага на наше отечество в лице Наполеона и с ним двенадцати язык, прошедшего с русским победоносным воинством до Парижа, водворившего всюду мир и почтенного в истории титулом «Благословен-ного»; Александра II, освободившего свой народ от цепей крепостного рабства, даровавшего ему гласный суд и уже готовившегося призвать даровитый русский народ к иным формам политической жизни,² и Ни-

² А. А. Дмитриевский имел в виду не осуществленный по причине гибели Александ-ра II конституционный проект М. Т. Лорис-Меликова.

колая II, осуществившего душевную мысль своего деда и разделившего свою державную власть со своим народом в лице его лучших представителей в Государственной думе и освободившего свой народ от тяжкого недуга, разьедавшего благосостояние народное и губившего лучшие духовные силы этого народа, от порока, именуемого «зеленым змеем».³ Все эти имена нашей истории на пространстве целых трехсот лет должны были бы сдерживать жестокий гнев и предохранить от этого беспощадного издевательства, невольным свидетелем коих мы явились в эти скорбные дни.

Справедливость подсказывает иметь в виду, что настоящие «деспоты» не говорят таким языком, каким говорит отрекающийся властелин огромного праведного достояния, унаследованного им по закону от целого ряда своих тружеников предков.

«Судьбы России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества, — писал Николай II в самую трудную минуту своей жизни, возвращая скипетр и корону народу, — подсказывает мне долг совести облегчить народу моему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы».⁴ Здесь в каждом слове звучит горячая любовь и искреннее желание жертвовать всем дорогим и священным для отечества. Что же после всего можно сказать этому народу, кроме слов великого Крестоносца: «Отче, отпусти им, не велят бо, что творят».

Ненависть народная дошла до попрания таких символов и эмблем нашего отечества, которые составляют гордость и славу народа и свидетельствуют о его державных исторических правах на знаменитую столицу Императора Константина Великого — Константинополь с проливами Босфор и Дарданеллы. Двуглавый орел в нашем государственном гербе принят к нам по наследию при царе Иване III, после его брака с Софией Палеолог, а помещенное на его туловище изображение Георгия Победоносца представляет герб древней России. Таким образом оскорбление, наносимое нашему государственному гербу, есть не только попрание и кощунство над чтимой русской святыней, но скажу даже более — является жестоким незаслуженным оскорблением нашей матери Святой Руси, всего ее славного тысячелетнего прошлого существования и народного драгоценного наследия.

В своем невежестве и злобной слепоте многие, впавшие в заблуждение, думали, что герб государственный есть герб династии, и в своем негодовании спешили стереть с лица земли все, что напоминает им прошлое. Увы, это прямое заблуждение. Герб Романовых иного вида и иных цветов. Но скажите по совести, ужели даже и этот последний герб заслуживает беспощадного самосуда и надругательства над ним, какому подвергся герб государственный? Здесь, пред лицом алтаря Господня, мы назовем лишь несколько имен и уверены, что никто из вас, воз-

³ Имеется в виду так называемый сухой закон, введенный с начала Первой мировой войны.

⁴ Цитата из манифеста об отречении Николая II не точна, возможно, А. А. Дмитриевской воспроизводил ее по памяти.

любленные братья и сестры о Господе, не откажет им в горячей любви и преданности нашему возлюбленному отечеству и что эти имена дороги каждому из нас. Великий князь Николай Николаевич, доблестно отстаивавший на Восточном фронте своей грудью более года честь Родины против натиска коварного врага — немцев и теперь со своими чудо-богатырями, совершающими изумительные подвиги храбрости, мужества и отваги на высотах Кавказа и Малой Азии; князь Олег Константинович, своей кровью и жизнью на поле брани в настоящей жестокой войне запечатлевший свою безграничную любовь к Родине, и великий князь Константин Константинович — краса и гордость нашей родной литературы — все они прикрывались одним и тем же гербом бояр Романовых. И здесь перед подобным огульным оплевыванием мы и можем только повторить слова Крестоносного Страдальца: «Отпусти им, Отче, не ведят бо, что творят».

В переживаемых нами тяжелых днях нельзя пройти молчанием потрясающих картин в судьбе тех, кого считали защитниками отжившего ненавистного, как ныне говорят, режима. Мы далеки от мысли оправдывать тех, кои пытались с оружием в руках рассеять взволнованную толпу.⁵ Однако припомните, братья и сестры, каково было отношение к мытарям у еврейского народа, и, однако же, Иисус Христос нашел среди них иерихонского Закхея, пришел в его дом и побудил в назидание нам восторженно исповедовать свою духовное настроение нам так: «Господи, се пол имения моего дам нищим, аще кого обидех, воздам четверцею». В притче о мытаре и фарисее Господу угодно было указать нам пример сокрушенной смиренной молитвы мытаря в воздыхании. «Боже, милостив буди мне, грешному» — и сказал нам, что сей последний вышел из храма более оправданный, чем гордый, лицемерный фарисей. Взволнованная народная толпа пережитых кошмарных дней врывалась в жилища некоторых мытарей нашего времени, подвергая оскорблению их ни в чем неповинных жен и детей, разрушая и ломая их имущественное достоинство и предавая его нередко огню, из которого, к стыду своему, многие предметы обстановки иногда и расхищала... И снова что можно сказать по поводу этих тяжелых картин расправы, кроме слов великого Крестоносца и Страдальца за нас грешных: «Отче, отпусти им, не ведят бо, что творят».

Свершилось. Мы по воле Провидения получили новую власть и веруем и исповедуем, как сыны Православной церкви, что «нести власти, аще не от Бога, сущие же власти от Бога учинены суть». «Мною по слову Божью цари царствуют и сильные пишут правду».

Наша новая власть обещает нам блага мира, братство, равенство и золотую свободу, и мы должны верить ей и надеяться, что это и будет так. Но нас, сынов Православной церкви, смущает то обстоятельство, что эта новая власть допускает еще и неизвестную многомиллионному русскому народу власть «Совета рабочих и солдатских депутатов».

⁵ После данного предложения, при перепечатке проповеди на машинке, по словам А. А. Дмитриевского, оказалась выпущена фраза: «Извиняя их лишь слепым повиновением той власти, которой они по долгу присяги служили».

Можно ли назвать ту семью благоустроенной, в которой ребенок, едва способный протянуть ложку к питательному сосуду, не признавал бы авторитета и власти своего отца, после того, как он покинет стол? Может ли быть признана нормальной школа, в которой ученик, ударяя своего учителя по плечу, говорил бы ему: «Товарищ, я уроку учить не хочу, потому что, по-моему, он для меня бесполезен»? Итак, образовалось для данного времени как бы двоевластие. Не нужно забывать, что враг коварный стоит у ворот, и, чтобы победить его нам и вывести нашу многострадальную Родину на путь благоденствия и мирного жития, нам особенно ныне необходима единая и твердая власть.

Будем же, дорогие братья и сестры, молить нашего Спасителя, да укрепит и пошлет Он мудрость и силу нашему новому, Богом поставленному Правительству вывести нашу дорогую Родину на путь вознесенных нам благ, и прежде всего на путь победы над лютым врагом, а о честолюбцах, стремящихся к народовластию, мы будем молиться словами Крестоносца: «Отче, отпусти им, не ведят бо, что творят».

Возлюбленные братия и сестры, тяжела наша скорбь, велики и безмерны наши согрешения и словом и делом, но велико и наше счастье — видеть пред собою спасительный и Животворящий Крест Господень. В наступившую святую седмицу потщимся возможно чаще притекать под сень Его, чтобы в горячей молитве Божественному Страдальцу и с искренним покаянием в соделанных нами грехах обрести отраду и утишить «бурю сумнительных помышлений», памятуя всегда Его утешительный ободряющий призыв: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы». На нашу пламенную молитву и на наше искреннее покаяние мы несомненно услышим с Креста слова Божественного Страдальца: «Отче, отпусти им, не ведят бо, что творят».

Аминь.

Слово сие в неделю крестопоклонную 5 марта 1917 г. произнесено в храме Николо-Александровском, принадлежащем Палестинскому обществу, заслуженным профессором Алексеем Дмитриевским.

А. Дмитриевский

РГИА, ф. 797, оп. 86, от. 1, ст. 1, д. 48, л. 313—319.

Подлинник. Машинопись с рукописной правкой и автографом А. А. Дмитриевского.